

Дмитрий Воронин

ЭХ, ЛАПТИ ДА ЛАПТИ...

Сергей любил деревню, с самого раннего детства любил. Устя ему, буд-то матрёшка, всякий приезд по-новому открывалась, одаривала очередным чудом. Ещё в три года совершенно ошеломила. Отец с матерью впервые повезли его на смотрины к деду с бабулей. Как же, первый внук, а живёт аж за три тысячи километров, даль-то какая. Сел Серёжка в стальную птицу яркой осенью, а уже через несколько часов приземлился в студёной зиме. Ну и чем не чудо? И дня не прошло, а ты уже у Деда Мороза в гостях. Снег искрится, похрустывает, и сугробы со всех сторон в два, а то и в три Серёжкиных роста. А дом-то какой, не дом – дворец, терем волшебный, весь из брёвен да с крыльцом высоченным. Таких у Балтийского моря и не было никогда. Пацанёнка в сени завели, от снега шубейку да валенки отряхнули, двери в кухню открыли, а навстречу зверь невиданный.

– М-у-у, – и Серёжку прямо в морозную щёку шершавым языком.

Просто жуть! Серёжка на задницу плюхнулся и ну реветь. Зверь тоже. А все хохочут, за животы хватаются. Никому не страшно, только одному Серёжке, да, может быть, чудовищу, что его съесть хотело. К стене прижалось и орёт:

– М-у-у.

Потом-то, конечно, ясно стало пацанёнку, что зверь этот и не зверь вовсе, а телёнок несмышлёный, только-только на белый свет народившийся, да от лютого мороза из коровника в горницу для выживания переведённый временно. Но в первый-то момент ох и страшно! Такое всю жизнь помнить – не забыть.

В следующий уже летний приезд в Устю Серёжке открылось ещё одно чудо чудесное – сенокос. Целую неделю с раннего утра отправлялись всем семейством на луговину, что колхозом деду под лесом выделили. А там... Гнёзда жаворонков с птенцами да бабочек пестрота. Сачок в руки – и ну охотиться за павлиньим глазом. Надоест – в речке пескарь да уклейка поверху ходят, можно и их тем же орудием изловить. У воды, смотришь, ящерка на камне пригрелась – и её за хвост. И запахи кругом такие ароматные, всё бы съел.

А ещё через год в лес по грибы да по ягоды походы, и зверьё всякое на пути. То змейка-медянка тропку переползёт, то заяц ушастый из кустов на дорогу выпрыгнет. Волков и медведей, конечно, не встретишь, бабуля знает, куда за припасами водить, но всё ж. Сердечко так и подскакивает от каждого стороннего шороха-треска.

Перед школой дед на первую рыбалку взял – ночную. Под это дело настоящую удочку Серёжке наладил. В сумерках и первый окунь на крючке затрепыхался. Восторг полный. А там и костерок с ущицей, и байки-сказки до полуночи. Наслушался на всю жизнь.

Потом, будучи уже школьником, Серёжке бабушкин сундук открылся, дедов чемодан с медалями, янтарным мундштуком и прочими мужскими сокровищами, ну и, конечно же, чердак. Самый притягательный и непредсказуемый, запретный со стороны хозяев и потому пугающий своим особым загадочным миром. Каждый новый приезд Серёжка обязательно забирался тайком в это царство непознанного и всякий раз совершал новые для себя открытия. Монеты стал собирать, вот тебе и царская копеечка из-под лаги выглянула.

– Дед, откуда тут николаевский пятак может быть? – удивлялся Серёжка.
– Дом, что ли, такой старый? Когда построен?

– Да кто его знает, когда. До революции, это точно. Я в ём родился. Вроде ещё мой дед скатывал, мне батька говорил.

К чтению Серёжка пристрастился, а наверху целые залежи пожелтевших газет и журналов. Невероятное погружение вечерами в прошлое под свет фонарика на сеновале. Спичечные коробки отцу вдруг надумалось коллекционировать, и тут без чердака не обошлось. Серёжка аж целую дюжину в каком-то ящике обнаружил, четыре из которых ещё довоенными оказались. То ли бабушка, то ли прабабушка на чёрный день спрятали да и забыли. Вот отец обрадовался.

То коньки-фигурки, то фонарик многоцветный, то перочинный ножичек, ещё сталинский, каких ни у кого отродясь не водилось. Словом, и землю рыть не нужно, все клады на чердаке.

Полюбил Серёжка Устю, прикипел к ней намертво. Уж и дед с бабулей давно померли, и отец с матерью за ними ушли, а Сергей Ильич каждый отпуск в деревне проводит. Спасибо Богу, что две тётки-вековухи живы пока. Старшая, Катерина, уж старая совсем, больная, ходит еле-еле, а вот младшая, Ольга, вполне ещё молодуха, племяша лишь лет на девять всего старше, поэтому Сергей Ильич с ней на «ты». Тётки рады племяннику всякий приезд. Кормят его, поят, обихаживают. Стараются каждое желание любимчика разгадать и исполнить по возможности. Ни много ни мало – устинские феи. И без подарка никогда не проводят. Правда, подарки Сергей Ильич сам себе находил из ненужных и забытых домашних вещей, но тётки были этому даже рады – не надо лишний раз денег тратить.

– Забирай, Сярожа, утюг ентот. Чего ему впустую ржаветь по углам? А тебе в твоём городе он ещё сгодится на пользу.

В другой раз тётки искренне радовались очередному своему подарку.

– Самовар абы как и нам бы хорош, но уж прохудился давно, а лудить-паять некому, Иваныч лет десять как помёр, последний у нас лудильщик. И выбросить жалко, сколько чая из него выпито. А ты его в своём городе в мастерскую снесёшь, да заплатку-то медную и поставишь, глядишь, ещё век пыхтеть будет, дедушкин-то.

В третий раз и вовсе удивлённо ахали, с интересом рассматривая находку племяша – часы с кукушкой.

– Вот нашёл же себе подарок, а мы про него и забыли уж давно. В детстве ещё мамка всё их настраивала, да потом кто-то пружину сломал, так и бросили на чердак. Забирай, Сярожа, нам они без надобности теперь. Мы и так без всякой кукушки в пять утра как по команде встаём, не спится особо на

старости-то лет. А ты ещё молодой, спишь долго, пушай она тебе кукует, токо пружинку новую вставь.

Но однажды найденный подарок не случился. Неожиданно для самого себя, в очередной раз обследуя чердак, Сергей Ильич наткнулся на задубелые лапти, висевшие в самом тёмном углу и плотно затянутые седой паутиной. Обувка могла бы и дальше оставаться незамеченной, если бы не случайный взмах фонарика из-за спотыкания о фанерный ящик.

– Вот, лапти обнаружил, – похвалился пропылённой обувью Сергей Ильич.

– Каки-таки лапти, показывай.

– Да вот, смотрите. Под стрехой в углу висели, – протянул тётушкам плетёнки племянник.

– Надо ж, сохранились, – покачала головой Катерина. – Папка ещё до войны заплетал, с обувкой-то плохо было. А как с фронту возвратился, перестал энтим делом заниматься. В сапогах кирзовых ходил, помнишь небось? Да и в сельпо сандалеты появились, стали там куплять. А эти, видать, повесил на чердак, да забыл об них.

– Так я их в подарок себе возьму, в память о деде, – улыбнулся Сергей Ильич, – будет хоть что-то, сделанное его руками. Семейная реликвия.

– Не отдам, – неожиданно прозвучал приглушённый голос тётки Ольги.

– Не отдашь? – удивился тёткиному отказу Сергей Ильич.

– Не отдам, самой нужно.

– С чего это? Сто лет не нужны были, а тут вдруг понадобились.

– Всегда нужно было.

– Для чего? В них и ходить-то уже не походишь, окаменели намертво.

– А мне не ходить, – хмуро пробубнила Ольга.

– Тогда зачем? Не повесишь же ты их обратно.

– Нет, не повешу. Во гроб с собой возьму. На ноги накажу себе одеть, мне там не бегать.

– Чего? – поражённо уставился на тётку Сергей Ильич.

– Чего? – вылупилась на сестру Катерина. – Дура совсем?

– Сама, дура, – ещё больше насупила брови Ольга. – Тебе ни к чему, а мне надо. Папкина обувь, с собой заберу. Забыла, он меня как любил? Больше тебя. Я у него любимицей была. Не отдам!

– Всё равно дура, – обиженно отвернулась от сестры Катерина, – всю жизнь ею была. Вот и батька тебя жалел потому, что дурочка. Так и говорил: «Дурёха моя».

– Ну и пусть, а лапти не дам.

Сергей Ильич пытался ещё несколько раз убедить Ольгу отказаться от старенькой обувки, но ответ был один:

– Не дам. В гроб в них лягу.

На что всякий раз следовало заключение Катерины:

– Дура совсем, чего тута рассуждать. Да и упёртая, что осёл. Вся в батьку. Тот тоже упрямец прослыл на всю округу. В колхоз созывали когда, упёрся, что баран, не пойду, мол, и всё. Мне и в кустарях хорошо. Так и не пошёл, даже выселок не испужался, хоть мамка и плакала.

В следующий приезд запрос на лапти повторился, но результат не изменился.

Зимой Катерина умерла, и душой называть Ольгу стало некому. Летом Сергей Ильич вновь затеял разговор вокруг дедовской обуви.

– Оль, лапти-то отдашь? Может, передумала?

– Нет, – отрезала тётушка, – и не заводи эту тему боле. Моё слово – скала, я его не поменяю. Если тебе лапти так уж нужны, пойди да купи на базаре. Там кустари чего хошь продадут.

– На фига мне чужое, я дедовы хочу.

– И я хочу в папкиных в гробе лежать.

– Слушай, Оль, – неожиданно сообразил Сергей Ильич, – а ты представь себя в этих лаптях в домовине. Они ведь вон какие серые да некрасивые. Такие и не надевает уже никто. Ну если только ряженные на ярмарках.

– А я надену.

– Да ради Бога. Только вот с тобой подруги прощаться придут, их мужья, соседи. Станут на тебя любоваться, одежду твою рассматривать. Оценивать начнут. Судачить.

– Ну и чего?

– А ты в лаптях.

– К чему ты это?

– Так ведь скажут: ну всем хороша, но как была колхоз, так им и осталась.

– Это почему?

– Потому как в лаптях. Все в белых туфельках в рай собираются, а ты в лаптях.

Тётка подозрительно посмотрела на племянника, что-то пробурчала себе под нос и вышла во двор. Больше к этому вопросу не возвращались.

За день до отъезда Сергея Ильича Ольга торжественно положила на стол завёрнутые в целлофан лапти, и гордо произнесла:

– Подарок!

– А как же ты? – приподнял брови Сергей Ильич.

– Забирай, не нужны мне, – улыбнулась тётка. – Вчера туфли в наш магазин завезли. Соседка сказала, что белые как раз.